

Ткаченко В.И.

АККУЛЬТУРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ РАННЕГО К ПОЗДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Tkachenko V. The process of assimilation into the transitional period from the Earlier to Late Palaeolithic in Central Europe.

The analysis of the most vivid Aurignacian industries of Czech, Slovakia, Romania, Moldova and Western Ukraine allows to talk about the existence of Palaeolithic associations, the formation of which was conditioned by the activity of the assimilation process. It is manifested by a "selective" assimilation of the native population (of a certain part of *Homo neanderthalensis*) by the newcomers — already *Homo sapiens* long before. The penetration of the latter from the Near East already in the Mousterian time was being realized in the form of a poly impulse migration. It is quite probable that the native population borrowed some rational technical methods from the newcomers. The existence of a whole range of specific Upper Palaeolithic articles in the industry of Chatelperron type confirms this fact. As a clear illustration of this can serve the upper Palaeolithic phenomenon of Cordevs in Zakarpatie (West Ukraine).

The other part of the Upper Palaeolithic groups (they compose the majority) — typical Aurignacian groups — migrants with specific local features, who evidently, did not make contacts with the native population. Later the successors of their traditions could be Gravettian communities. This is the explanation of the Gravettian "explosion", that coincides with the beginning of the Middle Aurignacian time, the period of the "last of the Mohicans" — Neanderthal groups that were disappearing everywhere.

Проблема аккультурации в палеолитическое время хотя и рассматривается уже довольно давно, однако до ее окончательного решения еще очень и очень далеко, и к тому же она имеет откровенно дискуссионный оттенок (напр., Allsworth-Jones 1986; Mellars 1989; Otte 1995 и др.). Концептуально такое понятие, как «аккультурация», должно, разумеется, рассматриваться здесь только в контексте упрощенного понимания чрезвычайно сложного процесса, протекавшего на рубеже перехода от раннего к позднему палеолиту. Поэтому термин, который взяли на вооружение многие специалисты из различных областей археологии (к примеру, в таком широком диапазоне, как «палеолит-средневековье»), употребляется ими лишь в своем наиболее общем значении как какая-то возможная форма трансмиссии идей, технологий, «поведения» и т.д. между двумя или несколькими близкими либо разнородными коллективами населения (Mellars 1989: 353).¹

Таким образом попытаемся рассмотреть этот важный вопрос, приобщая для этого лишь те конкретные данные, которые непосредственно касаются переходного периода от раннего к по-

зднему палеолиту в Центральной Европе, а также фактический материал прикладного содержания, рассматриваемый здесь лишь в самых общих чертах и в общетеоретическом плане.

В Центральной Европе имеются памятники, традиционно относящиеся к селето-ориньякским индустриям. То есть, они интерпретируются уже как вполне позднепалеолитические, где, однако, всегда в той или иной мере присутствует мустьерский компонент (двусторонние ножи с обушками, селетоидные острия и другие раннепалеолитические орудия). Например, в Чехии это такие индустрии, как Кржепице, Диваки, Пржеставлк, Купаржовице I и некоторые другие, в Словакии — Кехнец I, в Румынии — Бойнешти (нижний слой 1), Реметя-Сомеш II, Калинешти I, в Венгрии — Ишталлошке (нижний горизонт), Пешке, в Молдове — Брынзены I (грот, III к.с.), Корпач-Мыс (средний к.с.), Корпач (IV к.с.), в Украине — Радванская гора, Берегово III, IV, Заставное, Квасово. К сожалению, материалы некоторых из этих памятников собраны прямо на поверхности (это обстоятельство и стало для отдельных исследователей лишним козырем считать такие палеолитические комплексы смешанными). Напротив, существуют памятники, чьи культурные остатки зафиксированы *in situ* (правда, обозначенные для них временные рамки преимущественно не имеют достаточных на то доказательств). К таким индустриям обычно зачисляют Купаржовице I, Бойнешти (нижний слой 1), Реметя-Сомеш II,

¹ Содержание, вложенное западными коллегами, некоторым образом отличается от общепринятого: «аккультурация» отвечает буквально синониму «ассимиляция». Я употребляю этот термин в близком значении, понимая под ним лишь частичную ассимиляцию либо «культурный взаимодействие», о чем подробнее будет идти речь в тексте данной статьи.

Калинешти I, Ишталлошке (нижний гор.), Брынзены I (III к.с.), Корпач-Мыс (средний к.с.), Корпач (IV к.с.). Поэтому важно хотя бы вкратце проанализировать представленные здесь индустрии.

Чешская индустрия Купаржовице I исследовалась М.Оливой и отнесена им к среднеориньякским памятникам (Oliva 1989: 251-264). Если рассматривать этот материал с точки зрения технико-типологической характеристики, каких-либо особенных возражений или замечаний не возникает. Если же принять во внимание предложенное чешским исследователем стратиграфическое обоснование памятника, здесь-то и появляются серьезные сомнения. Ведь в основном скоплении артефактов не встречается ни единой находки, которая хоть как-то была бы зафиксирована в четких стратиграфических условиях, кроме выявленных отдельных и неясных в культурном отношении находок далеко за пределами местонахождения (Oliva 1989: 251-264). Следовательно, исходя из технико-типологического анализа индустрия вполне позднепалеолитическая параллельная пластинчатая. Среди орудий преобладают резцы (такие индустрии М.Олива относит к одной из предложенных им фаций; см.: Oliva 1980, с.48-71). Имеют место скребки (24%), скребла (14%), атипичные острья, а так же листовидные наконечники селетоидного типа. Другие, упомянутые здесь чешские памятники не имеют никакой мало-мальски обоснованной стратиграфической привязки.

На Бойнешти, исследованной М.Битири, выявлено несколько культурных слоев, один из которых — нижний — рассматривается исследовательницей как мустьерский (Bitiri 1972: 63-66). На мой взгляд, это не совсем отвечает действительности. Судя по данным анализа материала, техника расщепления здесь уже вполне позднепалеолитическая, параллельная пластинчатая (из представленных на рисунках нуклеусов нет ни одного примитивного или левалуазского ядрища и, напротив, все нуклевидные призматические, среди которых присутствуют торцевые и даже экземпляры для снятия микропластинок (Bitiri 1972: 161-163). Относительно предложенного румынской исследовательницей обоснования палеопочвы, соотносимой с одним из ранних вюрмских интерстадиалов и непосредственно увязываемой с рассматриваемым материалом, можно сказать следующее: в этом нет ничего подозрительного, что бы указывало на расхождения с общепризнанными современными представлениями. Подобных явлений ранних проявлений позднего палеолита сейчас можно привести предостаточно и при этом надежно обоснованных на весьма надежном научном уровне.

Аналогичная ситуация характерна и для других румынских индустрий, таких как Рометя-Сомеш II и Калинешти I. Относительно матери-

лов из нижнего слоя (1) Рометя-Сомеш I можно констатировать лишь то, что и здесь румынская исследовательница, возможно, ошибается, определив их как мустьерские и несколько древнее аналогичных бойнештских. Из опубликованных рисунков, на мой взгляд, видно, что и эта индустрия, как и предыдущие, вполне позднепалеолитическая параллельная пластинчатая (Bitiri 1972: 168-175). Правда, здесь, как и в рассмотренных ранее индустриях, встречаются двусторонние орудия селетоидного типа, которые в процентном отношении незначительны.

Венгерский памятник Ишталлошке принадлежит к местонахождениям пещерного типа. Он исследовался на протяжении многих лет различными отечественными и зарубежными специалистами (Vertes 1951, 1955; Gabori 1970; Gabori-Csank 1970 и многие другие). Для индустрии нижнего горизонта присуща характерная двойственность: с одной стороны, здесь можно встретить орудия с четкими раннепалеолитическими чертами («мустьерские» наконечники, листовидные острья, нож с обушком), с другой — вполне позднепалеолитические изделия (пластины с «ориньякской» ретушью, скребки, пластины «дюфур»). Это один из надежно датированных памятников, и поэтому он представляет для нас огромное значение. Нижний комплекс имеет радиокарбонную дату - 44.300 лет назад, верхний - более 34.000 лет назад. На территории Республики Молдова исследовался грот Брынзены (басс. реки Прут), материалы нижнего культурного слоя (III) которого интерпретируются как позднепалеолитические с некоторыми архаичными (мустьерскими) чертами, если брать во внимание технико-типологические показатели. Стратиграфическая ситуация здесь очень сложная и в настоящее время так и не прояснена. Производственный инвентарь этой индустрии составляют преимущественно призматические нуклеусы, служившие для получения пластин, многочисленные скребки, среди которых преобладают образцы на длинных пластинах. Высоких скребков немного, имеются так называемые изделия «с рыльцем», выделяются отдельной серией остроконечники подтреугольной формы, обработанные «плоско-выпуклой» ретушью, а также двусторонне обработанные орудия овальной формы (ножи) и т.д. (Рогачев, Аникович 1984: 172-173; Chirica, Borzias, Chetaru 1996: 13-30, 214-229).

Заслуживает внимания и местонахождение Корпач-Мыс, средний культурный слой которого насчитывает наибольшее количество выразительных изделий (Борзияк, Григорьева, Кетару 1981: 86-103; Chirica, Borzias, Chetaru 1996: 31-36, 230-233). Однако, как и на предыдущем памятнике стратиграфическая ситуация здесь также усложнена. По мнению И.Борзияка, погребенная почва, с которой непосредственно связаны рассматриваемые здесь археологические находки, может быть не моложе ин-

терстадиала Арси-Штильфрид В (Паудорф, Брянск) (Борзияк 1981: 101; Chirica, Borzias, Chetragu 1996: 32). Однако не исключено, что палеопочва может принадлежать и к более раннему периоду — раннеюрмскому. Палеолитический материал характеризуется параллельной техникой расщепления, хотя в процентном отношении пластин как таковых здесь очень немного. Это обстоятельство заставило молдавских исследователей считать индустрию непластинчатой. Индустрия также существенно отличается от предшественницы своей характерной специфичностью, выраженной характером орудий (например, костяные наконечники, которые принято называть «младечским» типом).

Памятник Корпач также расположен в Понрутье и относится к многослойным палеолитическим местонахождениям, находки нижнего (IV) культурного слоя которого отмечены уникальным сочетанием различных наконечников, скребел (ножей), атипичных острий, близких к шательперронскому типу, а также сегментов (Борзияк, Григорьева, Кетрару 1981: 61-86; Chirica, Borzias, Chetragu 1996: 235-240). Молдавские исследователи склонны относить эту необычную индустрию к ранним позднепалеолитическим проявлениям. Такое сочетание орудий в некоторой степени имеет место и на других европейских памятниках, к примеру, в Улуццо (Италия), где развитый позднепалеолитический комплекс датируется 31.000 лет назад (Palma di Cosnola, Dini 1970). В Центральной Европе древнейшие геометрические микролиты были зафиксированы в Павлове (Чехия), чьи материалы интерпретируются как раннегравецкие (Klíma 1954).

В Закарпатье к селето-ориньякским индустриям принадлежат исследованные памятники Радванская гора, Берегово III, IV, Заставное, Квасово (Сова 1964: 180-187; Ткаченко 1994: 181-192). Стратиграфической привязки археологические материалы этих памятников, как и на большинстве закарпатских местонахождений, не имеют. По своей численности археологического материала радванская индустрия занимает исключительное место: здесь собрано свыше 5 тыс. каменных и костяных находок (многие находки были утрачены в результате работ на карьере). Пока что сохраняется надежда на восстановление стратиграфической ситуации. Дело в том, что П.Сова-Гмитров — известный в 50-60-е гг. местный краевед и археолог — собирал материалы в действующем тогда карьере, не обращая внимания на существующую стратиграфию. Поэтому памятник требует дальнейшего более тщательного изучения в полевых условиях. К стати, обратив внимание на это обстоятельство (отсутствие стратиграфического обоснования — прим. В.Т.), В.Н.Гладилин и Л.В.Кулаковская склонны считать эту индустрию смешанной и на этом основании значительную часть коллекции, имею-

щую определенную архаичность, относят к мустьерскому времени (Кулаковская 1989: 80; Гладилин 1997: 28-29). Индустрия представлена в целом призматической параллельной пластинчатой техникой расщепления. Напротив, отмечается значительное количество плоских нуклеусов (некоторые из них напоминают дисковидные заготовки (пренуклеусы), которые, на мой взгляд, служили в свою очередь заготовками для торцевых и клиновидных нуклеусов, а также некоторых классов орудий). Среди изделий преобладают разнообразные ножи (как обычные — простые, так и на дольках, с естественными и искусственными обушками, двусторонние и т.д. и т.п.). Подчиненные позиции занимают скребки, представленные выразительными сериями, характерными преимущественно для позднего палеолита. На примере этих орудий четко прослеживаются ориньякские черты (наличие образцов, обработанных «ориньякской» ретушью, «с носиком», кареноидные, килевидные). Резцов значительно меньше, хотя и они классифицируются посерийно. Имеют место фрагменты селетоидных изделий в качестве наконечников (Ткаченко 1994: 185-192).

Не меньшее внимание привлекает и индустрия Заставное, характеризующаяся в целом позднепалеолитическим инвентарем — разнообразными скребками — как простыми на отщепках и пластинах, так и ориньякского типа, выразительными резцами, ничем не отличающимися от мустьерских (лавролистные с искусственными обушками, бифасиальные). Другие орудия встречаются в единичных случаях, например, выемчатое и фрагмент селетоидного наконечника (Ткаченко 1997: 16-17). Материалы индустрий Квасово, Берегово III, IV немногочисленны и характеризуются лишь наличием выразительных селетоидных элементов.

Подытоживая результаты беглого анализа лишь нескольких наиболее выразительных центральноевропейских ориньякоидных индустрий, можно заключить следующее: на конкретной территории в определенное время существовали палеолитические коллективы, часть из которых формировалась в результате аккумуляционного процесса, т.е., попросту говоря, осуществлялась «избирательная» ассимиляция автохтонного населения (определенной части неандертальцев, скажем, «прогрессивных» — *Homo neandertalensis*) при ш е л ь ц а м и — уже давно сформированными неантропами (*Homo sapiens sapiens*), пришедшими, на мой взгляд, с Ближнего Востока еще в господствующее мустьерское время, если придерживаться существующей гипотезы многоимпульсной миграции палеолитических коллективов в разные периоды нашей с вами истории. Однако связи могли существовать и на чисто культурном уровне, к примеру, «заимствование» у пришельцев представителями неандертальского (автохтонного) населения некоторых рацио-

нальных технических приемов обработки и изготовления орудий. На это, кажется, указывает наличие целого ряда специфических позднепалеолитических изделий (скребков, резцов, старательно изготовленных артефактов как из рога, так и кости) среди индустрий шательперронского типа (и не только шательперронского — прим. В.Т.), что может рассматриваться как чисто экономический аспект (Mellars 1989: 353). Наглядной иллюстрацией уже довольно длительного пребывания пришельцев на центральноевропейской территории может служить, на мой взгляд, позднепалеолитический феномен Королево в Закарпатье (Gladilin, Demidenko 1990: 115-124). Следует отметить и еще одно важное обстоятельство: в радванской индустрии отмечено несомненное наличие поделок из королевского андезита.

Другая часть позднепалеолитических коллективов — а их абсолютной большинство — типично ориньякские группы-мигранты со своеобразными локальными особенностями и изобилием хронологического спектра, не вступавшие очевидно в контакт с местным населением, а если и вступавшие, то только с целью их дальнейшего вытеснения с данной территории или даже полного уничтожения.

Рассмотрим теперь эту проблему в несколько ином ракурсе, а именно: как же стыкуются только что приведенные конкретные данные позднепалеолитических исследований с антропологическими находками и некоторыми результатами других современных научных многоотраслевых исследований как чисто теоретического, так и прикладного характера.

Критикуя гипотетические наброски М.Оливы относительно палеолитических материалов из Боржитова V, которые, по мнению чешского палеолитоледа, могли служить связующим звеном между позднемикокской культурой Кюльны и, собственно, селетом (как считает М.Олива, селет — «последняя ступенька» к позднему палеолиту), Карел Валох исключает возможность хотя бы каких-то генетических связей между неандертальскими коллективами — носителями селета и позднепалеолитическими, ссылаясь на отсутствие каких-либо конкретных данных. И вместе с тем он считает, что ранние проявления ориньяка одновременно в разных регионах могли быть вызваны именно его (ориньяка) полицентрической сущностью (Valoch 1993: 61).

Несколько иной точки зрения, хотя и довольно близкой, придерживается украинский исследователь Ю.Демиденко, считая, что возникновение позднего палеолита происходило на местной основе. Он довольно логично увязал конкретный позднепалеолитический материал с некоторыми леваллуазскими индустриями (Демиденко 1990: 17; Gladilin, Demidenko 1990: 115-124). На примере наиболее ярких и выразительных европейских палеолитических комплексов переходного периода от раннего к позднему палеолиту он попытался смоделировать воз-

можную картину трансформации позднелерских индустрий в, собственно, позднепалеолитические, что вполне может быть приемлемым, если бы не одно досадное «но», а именно: подобной трансформации не могло произойти за столь короткий отрезок времени. Не наблюдается и задекларированной последовательности в развитии королевских позднепалеолитических комплексов (Королево II, II комплекс; Королево I, Ia комплекс). Можно согласиться с утверждениями автора, что с точки зрения технико-типологического анализа такая последовательность вроде бы прослеживается, хотя и в этом нет достаточной уверенности из-за серьезного недостатка стратиграфической информации. К тому же оба комплекса не принадлежат к одному конкретному памятнику, а зафиксированы отдельно друг от друга и сосуществовали фактически в одной пространственно-временной плоскости (они расположены на одном уровне в слабощном суглинке, разделяющем ресс-вюрмскую и ранневюрмскую палеопочвы, и к тому же временной статус последней палеопочвы не имеет достаточного на то обоснования (см.: Гладилин, Ситливый 1990: 27-33).

Согласно современной синтетической теории эволюции, изменения в становлении человека происходят малозаметно и заторможено. Вот как вкратце описывает эволюцию Н.Дубинин, известный современный генетик, ссылаясь на О.Пилбима: «Эволюция Hominid состояла из трех отчетливо различающихся периодов, характеризующих существование и переход от одной формы в другую — Australopithecus, Homo habilis, Homo erectus. Она завершилась появлением вида Homo sapiens. В течение периода изменения происходили постепенно. При появлении последующей формы проходила импульсная эволюция, резко изменявшая средний объем мозга» (Дубинин 1986: 399). По последним данным современной генетики, появление человека разумного состоялось не позднее 100 тыс. лет назад, а по другим данным — 200 тыс. лет (Ламберт 1991: 158-159; 180-183; Henges et al. 1992: 737-739; Willson, Cann: 1992: 22-27), и его прародиной была Африка.

Подобное представление вполне правдоподобной картины глобальных событий никоим образом не противоречит существовавшему естественному отбору, который, без сомнения, действовал вплоть до появления новой (последней ли? — прим. В.Т.) формы — Homo sapiens. Эпохальной особенностью появления человека современного вида стало то, что главный фактор — естественный отбор — а именно, характер его действия, в корне изменился. Лишь наследственность и изменчивость сохранили свое значение. В результате этого вид Homo sapiens лишился действия главного фактора, определявшего протекание биологической эволюции (Дубинин 1986: 399).

Это заключение не исключает, на мой взгляд, и того, что на раннем этапе перехода от одной формы в качественно иную происходило частичное смешение (скрещивание) разных видов — старого («прогрессивного») и, собственно, нового. В пользу этого предположения служат исследованные в последнее время в Израиле остатки ранних форм *Homo sapiens archaio*, а также «переходных» форм — переходные морфотипы из гротов Амуд (Амуд 1), Кебара (Кебара 2-3), Схул (Схул 1-7, 9) и, собственно, типы современных людей из грота Кафзех (Кафзех 3, 6-9, 11) (Смирнов 1991: 289-292, 298-308, 311-318, 321-325). Подобные антропологические находки в Европе не зафиксированы, разве что можно лишь вскользь упомянуть об остатках крымских неандертальцев с некоторыми прогрессивными морфологическими чертами, если верить Ю.Смирнову (Смирнов 1991: 269-272). Относительно сен-сезерской антропологической находки (Франция) можно лишь подчеркнуть, что она принадлежит классическому неандертальскому типу. Уже это важное обстоятельство исключает какой-либо намек на эволюционный переход в Европе от «классических» неандертальцев к *Homo sapiens* (Mellars 1989: 349-385; Mercier et al. 1991: 737-739).

Напоследок остается лишь добавить, что существующая моноцентрическая концепция происхождения человека современного вида, предложенная и аргументированная Я.Рогинским уже почти четверть века тому назад, несмотря на появление и описание многих новых антропологических находок в защиту или против этой концепции, выдержала проверку временем, а также сохранила свое значение и поныне (Рогинский 1977). Таким образом смоделированные мной возможные аккультурационные процессы в переходный период от раннего к позднему палеолиту в Центральной Европе, как и в целом в Евразии, никак не расходятся с основными постулатами указанной концепции. В поддержку последнего процитирую блестящее высказывание В.Алексеева: «... сосуществование разных эволюционных этапов развития физического типа человека и развития каменной индустрии на каком-то или на каких-то отрезках времени никак не отвергает эволюционной последовательности и, наоборот, является **н е о б р а т и м ы м** (выделено мною) следствием из нее» (Алексеев 1978: 163).

Следовательно, как удачно заметил А.Козинцев: «Предположение о том, что сапиентация могла протекать параллельно в разных частях Эйкумены с вовлечением в этот процесс местных палеоантропов, остается пока что чисто теоретической возможностью» (Козинцев 1994: 16). Поэтому, возможно, не следует рассматривать аккультурацию буквально как отдельный элемент сапиентации: это вполне закономерный, однако всего-навсего побочный ее (сапиентации) продукт.

Моя аргументация базируется именно на

эволюционной последовательности развития человечества на всех этапах его становления. Как известно, ничто не исчезает бесследно. И как бы мы примитивно не представляли ход исторического времени, в котором пребывали наши далекие предки, игнорируя при этом наше существующее (чего уж тут лукавить!) ущербное представление о многих вещах, нам никак не удастся обойти существующих в истории очень многих «белых пятен» — тех неизвестных событий, происходивших реально вне нашего сознания во времени и пространстве. Одной из таких, казалось бы, неразрешимых загадок за семью печатями, является история граветта — одного из направлений техно-культурного прогресса в позднем палеолите. Однако здесь можно сразу же попытаться возразить: какое, скажем, это имеет отношение к данной только что рассмотренной теме? На первый взгляд вроде бы никакого. Но это лишь только на первый взгляд, а если «копнуть» значительно глубже, то возникает вполне резонный вопрос: куда ж запропалились те носители «симбиотических» приемов в изготовлении орудий, то есть фактически явственные элементы новой этнокультурной общности, сформированной в результате трансформации, о которой только что шла речь? Мне кажется, что ответ на это вполне своевременное замечание кроется во вполне логическом предположении: продолжателями селето-ориньякской традиции могли быть только ...граветтские коллективы. А если нет, то как же еще можно мотивировать тот граветтский «взрыв», совпадающий именно с началом среднеориньякского отрезка времени, с периодом существования «последних из могикан» — уже редующих и исчезающих повсеместно неандертальских коллективов?

Если бы хоть на один лишь миг охватить глазом суть технико-типологического своеобразия преимущественного большинства граветтских индустрий (наличие больших пластин в качестве заготовок, усечение ретушью концов пластин, двусторонние наконечники специфических типов, листовидные орудия, пластины с характерным притупленным краем — «граветтские остряки» и т.д., и т.п., а традиции изготовления приведенных здесь некоторых ведущих орудий исходят от селетских индустрий, напр., смотр.: Oliva 1995: 83-90), то становится более понятной логика моего предположения, которое никоим образом не претендует на безапелляционность.

Одни палеолитоведы (преимущественно французские) видели в граветтском феномене возможные корни шательперронской (мустьерской) культуры, например, Д.Сонневиль-Борд (Sonneville-Bordes 1960), отождествляя его с поздним перигордьеном, хотя большинство французских специалистов так не считает, как впоследствии и сама Д.Сонневиль-Борд (Sonneville-Bordes 1983: 339; Demars, Hublin 1989: 23-37; Mellars 1989: 354 и др.). На смеж-

ных с Францией территориях, в частности и на Украине, граветт, как считают, «вырастает» из местных мустьерских культур (напр., Черниш 1961). Другие, в том числе и автор этой статьи, воспринимают его как вполне вероятностный конечный результат определенного взаимовлияния двух разнокультурных направлений — селета и ориньяка (продукт аккультурации) (напр., Otte 1995: 197). Первые — сторонники полицентристской модели происхождения человека современного физического типа, исповедующие идею появления Homo sapiens на местной ос-

нове, последние — преимущественно моноцентристы или приверженцы компромиссной теории. Я склонен придерживаться моноцентристской концепции в ее узком понимании, как наиболее стройной логичной модели происхождения Homo sapiens sapiens.

Естественно, такая постановка вопроса не только желательна, как одно из вероятных предположений, но и несет в себе более глубокий смысл, к примеру, затрагивает такой чрезвычайно сложный вопрос как проблема этнокультурных процессов в позднем палеолите.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. 1978. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.
- Борзияк И.А. 1978. Поздний палеолит северо-запада Молдавии. Автореф. дисс... канд. наук. Л.
- Борзияк И.А., Григорьева Г.И., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. — Кишинев.
- Гладилин В.М. 1997. Найдавніше населення на території України // Давня історія України. Київ.
- Демиденко Ю.Э. 1990. Начальный этап позднего палеолита Карпато-Балканского региона. Автореф. ... канд. наук. — Новосибирск.
- Дубинин Н.П. 1986. Общая генетика. М.
- Козинцев А.Г. 1994. Связи между коллективами позднелейстоценовых гоминид: полицентризм и моноцентризм на современном этапе // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит-средневековье). СПб.
- Кулаковская Л.В. 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев. С.80.
- Ламберт Б. 1991. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель. Л.
- Рогачев А.Н., Аникевич М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР: Палеолит СССР. М.
- Рогинский Я.Я. 1977. Проблемы антропогенеза. М.
- Смирнова Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.
- Сова П.П. 1964. Палеолітичні місцезнаходження в Ужгороді // Археологія. Київ.
- Ткаченко В.И. 1994. О культурных особенностях в развитии позднего палеолита Закарпатья // Археологический альманах, №3. Донецк.
- Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletien, and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford.
- Chirica V., Borzicac I., Chetaru N. 1996. Gisements du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa // ED.HELIOS. Lasi.
- Bitiri M. 1972. Paleoliticul in Țara Oașului: studiu arheologic. București.
- Demars P.-Y., Hablin J.-J. La transition néandertaliens (hommes de type moderne) en Europe occidentale: aspects paléontologiques et culturels // L'Homme de Neandertal Vol.7. L'Extinction. Liège. P.23-37.
- Gladilin V.N., Demidenko Yu.E. 1990. On the Origin of Early Upper Palaeolithic Industries with Leaf Points in the Carpatho-Balkan Region // Feuilles de Pierre: Les industries a pointes foliacées du Paléolithique supérieur Européen. Etudes et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. 42.
- Henges S.B., Kumar S., Tamura K., Stoneking M. 1992. Technical comments: human origins and analysis of mitochondrial DNA sequences // Science. Vol.255.
- Klíma B. Pavlov. 1954. Nove paleolitiche sidliste na Jizni Morava // Archeologické rozhledy. R.6. ses.6. Praha.
- Mellars P.A. 1989. Major issues in the emergence of modern humans // Curr. Anthropol. vol.30.
- Oliva M. 1995. Le Szeletien de Tchécoslovaquie: industrie lithique et repartition géographique // Actes du Colloque de Miskolc. Paléo-Supplement, 1.
- Otte M. 1995. Traditions bifaces // Actes du Colloque de Miskolc. Paléo-Supplement, 1.
- Palma di Cesnola A., Dini A. Industria dell'uluzziano arcaico presso San Romino (Risa) // Adriatica. Zagreb.
- Sonneville-Bordes D. 1960. de. Le Paléolithique supérieur en Périgord // Ed. Delmas. Bordeaux. Sonneville-Bordes D. 1982. de. L'évolution des industries aurignaciennes // Aurignacien et Gravettien Europe. Fasc. II. Cracovie-Nitra, Études et Recherches archéologiques de l'Université de Liège. 13.
- Valoch K. 1993. Vedrovice, eine Siedlung des Szeletien in Südmähren // Quarter. B.43/44.
- Willson A., Cann R. The recent African genesis of humans // Sci. Amer. Vol.266.